

«Книжки недели» 1893, декабрь.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Мас. № 1034₁

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Мало пишущіе беллетристы.—А. П. Чеховъ о Сахалинѣ.—Беллетристы-техники.—Национальный характеръ русскаго народа и русскіе герои.—Языкъ и творчество.

Въ то время какъ большинство беллетристовъ современнаго поколѣнія заботятся лишь о томъ, чтобы увеличить свою количественную продуктивность, возбуждая въ критикахъ бесплодный ражъ противъ «борзописцевъ», «графомановъ» и т. п.,—лучшіе представители художественнаго слова пишутъ мало, являются въ печати рѣдко или тратятъ свои силы на труды, хотя и достойные всякой похвалы, но тѣмъ не менѣе не отвѣчающіе прямому назначенію ихъ дарованій. В. Г. Короленко въ послѣдніе годы совершенно исчезъ со страницъ нашихъ журналовъ; онъ посвятилъ это время на скромное, незамѣтное служеніе небольшому району въ потерпѣвшей отъ неурожая губерніи и затѣмъ обрисовалъ свою дѣятельность въ живыхъ, симпатичныхъ очеркахъ. А. П. Чеховъ обратилъ вниманіе на другихъ несчастныхъ: онъ отправился на Сахалинъ съ цѣлью изучить бытъ каторжныхъ и поселенцевъ и ознакомить общество съ своими впечатлѣніями. И у того, и у другого писателя какъ-бы чувствуется желаніе принести непосредственную пользу; они спускаются какъ-бы до рядовыхъ работниковъ, видимо полагая, что тутъ они нужнѣе. Они какъ-бы думаютъ, что то, чего не достигаютъ усилія обыкновенныхъ людей, будетъ приобретено порывомъ ихъ таланта. На самомъ дѣлѣ, ихъ работа въ этомъ направленіи, какъ-бы ни была она симба-

чел.
о сах. обл.

тична, не дастъ того, что можетъ дать даровитый художникъ, не описывающій, а поучающій, не наблюдающій, а провидящій...

Статья А. П. Чехова «Островъ Сахалинъ», конечно, очень интересна. Читатели «Недѣли» уже знакомы съ этою странною изгнанія по описанію проф. А. Н. Краснова; поэтому намъ не приходится останавливаться на бытовыхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ г. Чеховымъ. Тѣмъ не менѣе, мы находимъ у послѣдняго нѣсколько любопытныхъ встрѣчъ и наблюденій. Впечатлѣніе, которое вынесъ путешественникъ, безотрадное. Сахалинъ представляетъ собою царство унынія и моральной смерти. Во время пребыванія А. П. Чехова на Сахалинѣ островъ посетилъ генералъ-губернаторъ А. Н. Корфъ (теперь уже покойный). Конечно, каторга по этому случаю принарядилась, и въ Александровскомъ порту была даже иллюминація. Но, несмотря на это, всюду царилла скука... «Люди бродили какъ тѣни и молчали какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертную тоску». Генералъ Корфъ былъ больше оптимистомъ, чѣмъ А. П. Чеховъ; онъ остался доволенъ своимъ посѣщеніемъ и за обѣдомъ, даннымъ ему администраціей, выразился между прочимъ такъ: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастливымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже Европѣ. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ слѣзать еще многое, такъ-какъ путь добра безконеченъ». Корфъ сравнивалъ Сахалинъ съ тѣмъ, какимъ онъ видѣлъ его пять лѣтъ назадъ. Г. Чеховъ видѣлъ только Сахалинъ настоящий и потому онъ говоритъ: «Его похвальное слово не мирилось въ сознаніи съ такими явленіями, какъ голодъ, повальная проституція ссыльныхъ женщинъ, жестокія тѣлесныя наказанія, но слушатели должны были вѣрить ему: настоящее въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило пять лѣтъ назадъ, представляется началомъ золотого вѣка». Въ бесѣдѣ съ путешественникомъ-беллетристомъ Корфъ высказалъ свой взглядъ на сахалинскую каторгу, предложилъ свой раз-

сказъ записать и озаглавить: «Описание жизни несчастныхъ». Изъ этой бесѣды г. Чеховъ вынесъ убѣжденіе, что генераль-губернаторъ «великодушный и благородный человѣкъ», но что «жизнь несчастныхъ» была знакома ему «не такъ близко, какъ онъ думалъ». Изъ этого описанія приведены слѣдующія строки, характерныя своей безповоротной краткостью и увѣреннымъ тономъ: «Никто не лишонъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; пожизненности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжные работы не тяжелы. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тяжесть, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ».

Уже изъ предыдущаго видно, что А. Н. Корфъ выказалъ по отношенію къ г. Чехову рѣдкое радушіе и любезность. Еще ранѣе бесѣды онъ, въ присутствіи мѣстнаго начальства, сказалъ ему: «Я разрѣшаю вамъ бывать гдѣ и у кого угодно. Намъ скрывать нечего. Вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы,—однимъ словомъ, вамъ двери будутъ открыты всюду. Не могу я разрѣшить вамъ только одного: какого-бы то ни было общенія съ политическими, такъ-какъ разрѣшать вамъ это я не имѣю никакого права». Благодаря этой рѣчи, г. Чеховъ былъ снабженъ «открытымъ листомъ» и всюду встрѣчалъ обязательную предупредительность. Пользуясь этимъ, онъ произвелъ подробную перепись тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ ему удалось побывать. Этой работой онъ занимался три мѣсяца и сообщаетъ подробно о ходѣ ея и о системѣ своего статистическаго изслѣдованія, хотя, разумѣется, его интересовали главнымъ образомъ не цифры, не матеріальные результаты, а впечатлѣнія, которыя давалъ самый процессъ переписи. Здѣсь собственно мало новаго, и то, что пришлось услышать и почувствовать г. Чехову, немного отличается отъ впечатлѣній другихъ лицъ, наблюдавшихъ бытъ и типы каторжнаго люда. А. П. Чеховъ останавливается подробно на именахъ поселенцевъ и приводитъ нѣкоторые: Мустафа Непомнящій, Василий Бе-

зотчества, Франц Непомнящий, Яков Безпрозвания, Иван 35 лет / /это число составляет фамилию: в действительности ему 48 лет/, Человек неизвестного звания... О возрасте своём, равно как и о времени пребывания на Сахалине, поселенцы давали самые сбивчивые ответы. Жилища поселенцев производили самое грустное впечатление. полным отсутствием домовитости, как бы указывая на то, что хозяевам мало дела до обстановки, в которой они существуют. На г. Чехова ссыльные смотрели как на официальное лицо, и видя в нём чиновника, присланного из России, высказывали различные предположения и надежды насчёт цели его переписи. Но наряду с этим и доносился голос, в котором слышалась усталость, скука и досада на беспокойство: —И всё они пишут, и всё они пишут, Царица Небесная!"

[...]

/б/п.